

Станислав УМАНЕЦ

«Открытую душу - кому?»

В 2016 году исполняется 15 лет с тех пор, как ушел из жизни поэт Станислав Уманец.

Станислав Львович Уманец родился в 1933 году в Петрозаводске.

Его родители были учителями.

Отец погиб во время войны, когда Стасу исполнилось 9 лет.

Последнее письмо от отца Льва Афанасьевича семья получила из-под Сталинграда.

Мама, Мария Андреевна, дожившая почти до 90 лет, всю жизнь любила читать и привила эту любовь сыну.

Первые публикации Станислава Уманца состоялись, когда ему было 17 лет, в газете «Комсомолец», затем – в журнале «На рубеже» (ныне – «Север»).

Станислав Уманец был востребован как газетчик.

Судьба его заносила в Реболы, Великую Губу, какое-то время трудился в Медвежьегорске и Пудуже.

В Кондопоге многие годы работал в районной газете.

Он активно трудился в литературном объединении, кропотливо работая с текстами.

Здесь раскрылся и его редакторский дар, многие лучшие стихи местных авторов стали таковыми благодаря редакторской правке Уманца.

Он первым разглядел и самобытное дарование прозаика Бориса Кравченко.

Станислава Уманца уважали за легкое перо, добрый совет, бескорыстную помощь.

Он и сам написал немало стихов, но лишь малая часть увидела свет на страницах газет и коллективных сборников, а также маленького сборника «Живица».

* * *

Я ходил по тропам лосиным,
 Мох зелёный ногой топтал.
 Мне дрожащий листок осины
 О печали своей шептал.
 Монотонно гудели ели,
 И, стараясь на все лады,
 Мне любимые песни пели
 Музыканты мои – дрозды.
 Я лесного зверья не трогал –
 И поэтому мне вослед
 Посылала кукушка много,
 Очень много хороших лет.

1956

МОЙ ДРУГ

Я ухожу послушать звон сосны –
 Он так похож на древние преданья.
 А друг купил новейшие штаны
 И ходит аккуратно на свиданья.
 Я видел, как растёт в лесу трава,
 Как сосны поднимают к солнцу лапы.
 А друг мой утверждает: голова –
 Всего лишь форма для ношенья шляпы.
 Поймите правильно, я не противник мод,
 Но друг мой заявляет очень хлёстко,
 Что лишь тогда стихи мои поймёт,
 Когда сменю привычную причёску.
 Мой друг! Не примирить, как видно, нас,
 Я не найду в тебе единоверца –
 Ты следуешь за тем, что видит глаз,
 Я следую за тем, что слышит сердце...

1961

* * *

Нет, я позабыть этот памятный случай
 Не властен,
 Как ты подарила мне маленький ключик –
 На счастье.
 Как ты говорила, в разлуку не веря,
 Со мною:
 «Тот маленький ключик всегда мои двери
 Откроет».
 Он в дни испытаний – как солнечный лучик
 В ненастье,
 Твой маленький ключик, серебряный ключик –
 На счастье.

1961

ЛИСТЬЯ

Бушевавший в тоске и свисте,
 Мокрый ветер улёгся вдруг –
 И роняют деревья листья
 Из своих ослабевших рук.
 Засыпают бугры и ямы,
 Чтобы стала земля ровней,
 Эти жёлтые телеграммы
 О приходе осенних дней...

1956

* * *

Осени пышной пламя
 Всё догорит – и пусть.
 Но западает в память
 И остаётся грусть.
 Слушая эти рощи
 В час затяжных дождей,
 Станешь яснее, проще,
 Ближе поймёшь людей.

1961

* * *

Весенние ветры, открытые взгляды,
 Тревога и дали в дыму –
 Наверно, всё это кому-нибудь надо.
 Кому это надо, кому?
 О, я не знаком ни с деньгами, ни с лестью,
 Отдам – ничего не возьму.
 Кому эту песню, кому эту песню,
 Открытую душу – кому?

1959

* * *

Но – только тишь? И неужели
 Сковали жизнь со всех сторон
 Вот эти пасмурные ели,
 Очаровал осенний сон?
 Когда порой бывало грустно,
 Я это так и понимал –
 С большого жизненного русла
 Поток свернул и задремал.
 И в стороне, в глуби, в тишинке
 Движенье стихло навсегда.
 Цветут роскошные кувшинки,
 Цветёт стоячая вода.
 Но всё не так. И вид обманчив.
 В глуби, светлы и горячи,
 Там пробиваются, как раньше,
 Вечнобегущие ключи!

Когда под танковые звенья
 Ложились спелые хлеба –
 Не оставалось в отдаленье
 Селенье Спасская Губа.
 Когда Москва сказала слово –
 Оно на сердце горячо.
 И следопыты, рыболовы
 Винтовки брали на плечо.
 Смотрели строгими глазами
 На опустевший милый кров
 И уходили в партизаны
 По тропам дедов и отцов.
 И возвращались непременно,
 И вновь с упрямством родовым
 Пилили тес, рубили стены,
 Пускали в небо первый дым.
 И утверждали этим зримо,
 Подняв лежащее в золе,
 Что жизнь здесь – неискоренима,
 На кровью пролитой земле.

1961

НА КОНЧЕЗЕРЕ

С костром угас неспешный разговор.
 И, прыгнув в лодку, вёсла мы берём.
 Колеблющийся медленно простор
 Зелёным светом зыбко озарён.
 И плавным ритмом медленных гребков
 Душа моя почти усыплена.
 И лёг на всё таинственный покров.
 Из тьмы веков вернулась старина.
 И лодка – челн. И месяц – гнутый нож.
 И триста лет для вечности – вчера.
 И в сумерках товарищ мой похож
 На первооснователя Петра.
 С волною так и набежит вопрос:
 Что изменили, собственно, века?
 В воде всё тот же свет далёких звёзд,
 И камня грудь по-прежнему крепка.
 Но кончен путь. И заблужденье вмиг
 Туманной дымкой улетает прочь:
 Ворча, ползёт на гору грузовик,
 Лучами фар отодвигая ночь,
 В кино идёт очередной просмотр
 (Как люди скоро к Марсу полетят),
 И мой товарищ никакой не Пётр,
 А выпускник, кончающий физмат.

1960

